

— Двенадцать девушек отправлены Фэн Цину? — В богато украшенных покоях императорского дворца в воздух поднимались клубы благовоний с тонким и спокойным ароматом гардений. Пожилой Император Бэйгун Чижуй, восседая на низкой кушетке, принял из рук своей любимой наложницы Мэн очищенный каштан, медленно отправил его в рот и с довольным видом принялся жевать.

— Докладываю Вашему Величеству: они уже доставлены. Регент оставил у себя всех до единой, — почтительно ответил евнух Ван.

— И какова же была его реакция? — Наложница Мэн протянула императору ещё один каштан, но Бэйгун Чижуй отмахнулся. Он небрежно вытер руки, поднял голову и внимательно посмотрел на евнуха.

— Никакой реакции, — покачал головой евнух Ван.

Бэйгун Чижуй вдруг рассмеялся, поглаживая седеющую бороду, и одобрително кивнул:

— Этот ребенок Фэн Цин не позволяет женской красоте затуманить свой разум. Неплохо, совсем неплохо.

— Если он не питает слабости к женщинам, не значит ли это, что правдивы слухи о его пристрастии к мужчинам? — не удержалась от колкости наложница Мэн. — Сейчас только об этом и шепчутся по всей столице.

— Я доверяю Фэн Цину. Если он равнодушен к женской красоте, то тем более — к мужской. Я лично отбирал этих двенадцать девушек. Он с детства рос сиротой, совсем один, вот я и решил прислать их, чтобы они составили ему компанию, — вздохнул Бэйгун Чижуй, и в его глазах промелькнула отеческая теплота.

Наложница Мэн недовольно поджала губы:

— Ваше Величество, вы ведь относитесь к регенту как к родному сыну.

— А разве не так? — Бэйгун Чижуй рассмеялся. — У меня мало наследников, был лишь Чэнь-эр, но десять лет назад он бесследно исчез, и до сих пор неизвестно, жив ли он. Десять лет назад я потерял сына, но встретил Фэн Цина. Если бы не он, мои старые кости давно сгнили бы на границе, а наше государство Наньсян было бы стерто с лица земли!

— Довольно, довольно, вы снова об этом, — наложница Мэн с досадой покачала головой и пододвинула блюдо, наполненное свежими каштанами. — Раз уж так, прикажите отправить часть свежих сладких каштанов регенту. Как вам такая идея?

— Моя любимая наложница всегда понимает меня с полуслова. — Бэйгун Чижуй

удовлетворенно обнял наложницу Мэн.

Когда Фэн Цин закончил государственные дела и вернулся в резиденцию регента, небо уже усыпали звезды.

Он потянулся, разминая затекшие мышцы, и собирался было направиться в свои покои, как вдруг заметил на ступенях неподалеку очертания фигуры.

В туманном лунном свете силуэт казался неземным и возвышенным. Белоснежный, как снег, халат, пряди темных волос, растрепанные легким ветром, и едва уловимый, приятный аромат бамбука — всё это делало человека похожим на оживший шедевр, написанный тушью на нефрите.

А Юй всегда был таким — тихим, с холодным и отстраненным нравом, редко произносящим хоть слово.

Это неизменно напоминало Фэн Цину о их первой встрече три года назад посреди огненного ада войны. Тот человек был в таком жалком положении, но у него были глаза — чистые, как весенняя вода, и яркие, как полная луна. Это зрелище заставляло сердце сжиматься от жалости и непреодолимого желания стать ближе.

Поэтому Фэн Цин, не раздумывая, забрал его с границы, поселил в своей резиденции и назвал А Юем. Разве не говорят: на склоне холма человек, словно нефрит, нет в мире юноши равного ему.

Уголки губ Фэн Цина дрогнули в легкой улыбке. Он бесшумно подошел ближе и сел рядом с А Юем, спросив:

— Любуешься луной?

С того места, где сидел Фэн Цин, он мог видеть густые, словно веера, ресницы А Юя. Такие длинные и изящные — едва ли подходящие обычному мужчине.

Услышав голос, А Юй повернул голову. Его темные, глубокие, как омут, глаза мягко встретились с взглядом Фэн Цина.

— Вернулся, — негромко произнес он и слегка подвинулся, освобождая место, словно ждал его всё это время.

Фэн Цин кивнул и, последовав его примеру, полулежа прислонился к ступеням, устремив взор на полную луну в ночном небе. Лунный свет падал на его прекрасное лицо, окутывая мягким сиянием.

— Ты пробовал сладкие каштаны, которые сегодня прислали из дворца? — Фэн Цин смотрел на луну, погруженный в свои мысли.

— Очень сладкие.

— А ты... — Фэн Цин помедлил, поворачиваясь к А Юю, и обнаружил, что тот находится на расстоянии вытянутой руки. Они оказались так близко, что Фэн Цин смог разглядеть в его сияющих глазах свое собственное, слегка смущенное отражение. Он тихо кашлянул, невольно подавшись назад, и продолжил: — Ты не слышал никаких слухов?

— Нет. — Чистый, холодный голос А Юя коснулся его ушей, принося странное чувство покоя.

Фэн Цин выдохнул с облегчением, снова перевел взгляд на темно-синее небо и твердо произнес:

— Не верь им. Верь только мне. Я защищу тебя. — Пока он говорил, перед его глазами вновь возник тот беспомощный и жалкий образ А Юя, в котором он так отчетливо узнавал самого себя — маленького нищего, которого гнали все вокруг.

Внезапно налетел порыв ветра, растрепав волосы Фэн Цина, и одна прядь закрыла ему глаза. Он нахмурился, собираясь убрать её рукой, но чья-то тонкая ладонь опередила его. Движение было столь нежным и бережным, что сердце Фэн Цина, казалось, превратилось в потревоженную весеннюю заводь.

Кхм, хотя люди за пределами резиденции и судачили об их отношениях, называя их парой, на самом деле между ними ничего не было. И такая близость была... пожалуй, чересчур двусмысленной.

Фэн Цин открыл рот, собираясь что-то сказать, как вдруг услышал твердые, как удар металла, слова, прозвучавшие подобно клятве или даже объявлению:

— Я тоже тебя защищу.

В этом голосе сквозила властность, перед которой было невозможно устоять.

Фэн Цин замер, пораженный этими словами, и поспешно обернулся к А Юю, но тот уже вернул себе прежний вид — бесстрастный, тихий и покорный.

Будто, будто это вовсе не он только что произнес те слова.